

В. Л. Каганский

СОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ЛАНДШАФТНЫЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

СССР — хотя бы формально — давно нет. Многого нет... Многое и осталось. Осталась мощная, прочная (хотя и разлагающаяся) структура — советское пространство. Именно она определяет многое, ох как многое в нашем культурном ландшафте, социальной жизни и жизни просто. Поэтому осмысленно предложить кратчайший очерк советского пространства, выросший из многочисленных теоретических и полевых исследований автора.

Предельное выражение особенности государственного пространства достигли в **советском пространстве** — особом, вырожденном типе культурного ландшафта. Советское пространство (не синоним территории СССР) — единая конструкция, целостное явление, постигаемое преимущественно концептуально. Культурный ландшафт России (всего бывшего СССР и шире) организован советским пространством; именно оно определяет сейчас и в перспективе главную специфику культурного ландшафта страны. Данный текст резюмирует ряд предшествующих работ автора.

Для советского пространства характерны единая иерархическая система универсальных структурно сходных полифункциональных районов административного деления; советское пространство — плитчатое, дискретное, фрагментарное. Советское пространство моноцентрично и гиперцентрализовано на всех уровнях, от бывшего Варшавского договора и СССР до административного района, поляризовано во всех главных отношениях. Абстракция абсолютно моноцентрического ареала Б. Б. Родмана — его кратчайшее теоретическое описание. Территории обнаруживают многоуровенно-ступенчатую социально-экономическую стратификацию в соответствии с административными статусами; его детерминирующий и объясняющий принцип — *статусная детерминация*, зависимость мест от их внешнего статуса, положения в государственной иерархии, своего рода «номенклатура мест». Советский культурный ландшафт произведен от каркаса административного деления. Будучи сконструирован и организован не собственно территориальными (горизонтальными), а властно-административными (вертикальными) отношениями, этот ландшафт имеет *ведущее и почти единственное характерное направление «центр — периферия»*, *главное направление градиента плотности населения и хозяйственной активности, освоенности территории*. Главные различия культурных ландшафтов одной природной зоны в советском пространстве — *не между регионами, а между их центрами и перифериями*. Для советского пространства характерны физическая и семантическая фрагментированность ландшафта, чрезмерная нефункциональная дискретизованность, резкость границ, ничтожность переходных зон,

непродуктивное конфликтное соседство качественно разных территорий, ослабленность или даже блокированность горизонтальных соседских связей, барьерные границы районов.

Доминанта советского пространства — универсальность и тотальность властно-силовых отношений. Структура советского пространства едина и единственна. Вся дифференциация пространства — хозяйственная, культурная, даже размещение природного ландшафта - производна.

Вертикальные, иерархические, властные отношения в советском ландшафте доминируют над горизонтальными, территориальными и порождают их. Логика административного подчинения противоречит естественной логике территориальных отношений (соседства, смыслового единства) и превалирует над ней. Всюду соседствуют чужие и чуждые, враждебные, случайные, безразличные элементы. Неизбежные территориальные отношения осложнены; пространство тотально конфликтно и перенасыщено проблемами.

Советское пространство порождено из внепространственной позиции, представляя собой множество внепространственных задач, «упавших» на территорию. Оно фрагментировано и сегрегировано, огромна роль границ. Значение территориальной ячейки задано ее положением в административной иерархии и выражается размером.

Образ советского пространства дают такие черты, как гиперцентрализованность всей среды и любого места, жесткая оконтуренность ячеек, сочетание хаоса и унылого такта, непредсказуемости и стандартизованности. Полноценных мест нет. Внешне омасовленное, индустриально-убанизированное, советское пространство несоизмеримо с пространством современного мира и своим прежним состоянием, специфично, почти уникально.

Все пространство — места и позиции, отношения, связи, расстояния, направления — статусно дифференцировано. Место в пространстве есть статус в государстве. Территориальная феноменология производна от феноменологии общества=государства, но коль скоро ячейки властного пространства заполнены повседневной жизнью, то оно оказывается в зависимости от этой обыденности.

Пространство — источник ресурсов, место экспонирования внепространственных целей и ценностей. Пространство лишено смыслового единства; фрагментировано и маргинализировано. Общество=государство пространственно неменяемо. Пространственное самописание отсутствуют, заменяясь схемой-мифом, согласно которой действует общество=государство. Реальность имеет статус почти бессознательного. Вменить «ответственность за пространство» некому. Осмысленные акции единичны и иррефлексивны.

Главная особенность советского пространства — универсальность властно-силовых отношений, пронизанность ими всех хозяйственных, этнических, социальных, расселенческих и т.п. структур. Существует общество=государство и его пространственные структуры; любые

другие (автономные) структуры отсутствуют. Внутренне-разнородная и противоречивая, *структура советского пространства — едина* и единственна. Вся реальная пространственная дифференциация, в том числе и размещение природного ландшафта, производна от советского пространства, связана с ним и им ассимилирована. Поведение и/или размещение в пространстве возможно только путем приспособления к советскому пространству, даже если это относится к антагонистическим по отношению к элементам советского пространства. Сейчас, во время довольно бурной пространственной событийности, происходит реализация уже существовавших противоречий, проблем и конфликтов, «распаковка проблемного багажа» — но почти нет даже намеков на становление какой-либо новой и притом независимой структуры. Выделяющиеся же компоненты уже существовали в рамках целого советского пространства.

Вертикальные, иерархические, властные отношения доминируют над горизонтальными, территориальными, обыденными и порождают их. Советское пространство — своего рода множество внепространственных задач, преобразовавших, подчинивших и сформировавших в территории особые ячейки; советское пространство порождено из внепространственной (надпространственной) позиции. Ячейки — области решения задач — сочетают самодостаточность и даже автаркичность с узкой специализацией. Пространство сильно фрагментировано и сегрегировано, в нем чрезвычайно велика роль рубежей, барьеров, границ. Ранг, значение ячейки задается ее положением в административной иерархии и выражается в пространстве размером как статусным признаком. Функция ячейки производна от ее ранга и размеров, тем самым иерархия приобретает горизонтальное измерение. Логика административного подчинения противоречит естественной логике территориальных отношений (соседства, смыслового единства ландшафта) и превалирует над ней. Вертикальные (административные) настояния и связи сильнее и важнее горизонтальных и порождают их. Неизбежные территориальные, горизонтальные отношения осложнены; пространство насыщено конфликтами и проблемами, места протекания и разрешения которых разведены в пространстве.

В каждом месте соседствуют и совмещаются чуждые по природе и враждебные друг другу, случайные, безразличные элементы; высока повторяемость одних и тех же внутренне не мотивированных сочетаний элементов. Имея внешние признаки омасовленности, индустриализованности и урбанизированности, советское пространство несоизмеримо с пространствами современного мира и своим прежним состоянием, очень специфично, почти уникально.

Все в пространстве статусно дифференцировано: различия мест и позиций, занимаемых любыми индивидами и общностями (от отдельных людей до городов и этносов), расстояния, направления, отношения, связи. Пространственная дифференциация имеет

властно-административное измерение; всякое место в пространстве — место в государстве. Территориальная феноменология производна от государственно=общественной, но коль скоро ячейки властного пространства заполнены обычной жизнью, то оно оказывается в зависимости от этой обыденности.

Главная структура советского пространства — административно-региональная. **Административно-территориальное деление (АТД)** — самая мощная и универсальная система ячеек, охватывающая пространство почти без изъятий. Это система полифункциональных институциональных районов, по сети которых осуществляется практически вся деятельность государства. Районы АТД, далее именуемые **регионами**, охватывают территорию на разных уровнях; административное деление — привилегированное расчленение (районирование) пространства. Функции АТД — контроль над пространством со всем его «содержимым», организация функционирования государственных институтов и равно обычной жизни людей. Такие разные государственные функции и обыденные отправления, как репрессии, набор в армию, идеология и пропаганда, образование, здравоохранение, непосредственное управление местной промышленностью, сельским хозяйством, «соцкультбытом», торговля, обеспечение жильем и мн. др. реализовывались строго по уровням регионов и всегда укладывались в рамки их сети. В силу совмещенности практически всех структур государства в регионах, они — *ячейки гарантированного жизнеобеспечения и выживания*, поддержания человеческого материала в необходимом для использования состоянии.

Именно в рамках регионов, функциональным каркасом системы которых были структуры компартии, согласовывалось функционирование всех хозяйственных и иных элементов на территории региона. Согласование как комплексирование разнородных структур и интересов носило как официальный, так и связанный с ним теневой характер. «Черный рынок» производства был организован почти в точном соответствии с каркасом АТД. В концепции административного рынка его «торги» (неформальные хозяйственные взаимодействия) осуществлялись преимущественно в рамках регионов либо между ними. В регионах сформировались мощные властно-хозяйственные клубки с реальными интересами (см. кампании по борьбе с местничеством советского времени).

Контроль пространства и организация деятельности в нем как главное назначение регионов превращал их в особые **государственные институты**, подобные предприятиям. Как каркас тотального управления, система регионов должна интерпретироваться семиотически: система коммуникации с функционированием разных типов сообщений при обязательности однозначной интерпретации в каждой ячейке; регионы — области однозначного контекста и интерпретации.

Система АТД — система универсальных суперполифункциональных институциональных программных районов; предмет программы — вся жизнь людей конкретного региона. Программы различались в зависимости от их ранга, нормативно определяемых регионам задач (планов) и способов их решения, вынужденно связанных с региональной географической конкретикой. Порождаемые ими различия в способах и уровне жизни хорошо известны. Ставши реальностью жизни, административные регионы оестествились; схема стала самовоспроизводящейся.

Программное единство регионов усиливается их пространственной организацией. Каждый регион в качестве главного, фокального элемента имеет административный центр — крупнейший населенный пункт (превосходящий «второй» по размеру обычно в 3-5 и более раз), доминирующий на всей территории региона и властвующий над ней как метрополия над колонией. Центр — особая часть региона, господствующая над целым.

Пространство региона функционально и статусно централизовано. Все существенные и существующие в регионе в одном экземпляре объекты обычно размещены в его центре. Центр региона — его хозяйственное ядро и транспортно-коммуникационный узел; рисунок дорожной сети и потоки на ней существенно центростремительны (по-видимому, 4/5 всех дорог обслуживают иерархические связи). Вокруг центра сосредоточены основные массивы промышленности и сельского хозяйства; освоенность территории, плотность населения и т.п. параметры резко спадают от центра к периферии. *Географическое единство региона — единство моноцентрического узлового района*; исключений из моноцентричности региона очень мало. Ранг центра и расстояние от него — важнейший параметр, предопределяющий состояние территории, в том числе уровень и способ жизни, даже телесную привлекательность жителей. Центр региона стягивает население, вдоль центростремительных путей обычно идут миграции населения, особенно маятниковые.

Функциональное комплексирование элементов региона усиливается централистичностью его пространственной структуры, линейно-узлового каркаса. Регион — реальный тотальный район; его население — особого рода квазиколлектив, притянутый связями к центру и зажатый границами региона. Если на территории СССР существовали т.н. социальные районы, территориальные общности населения, отличные от экономических, то административные регионы — именно такие районы. В пределах региона ранга области замыкается примерно 9/10 миграций. Пространственная идентификация нынешнего населения основана на регионах, отождествляемых нередко со своими центрами. Регион — арена обыденной жизни, пространственный жизненный горизонт для масс.

Централизация и централистическая концентрация населения и деятельности при затруднительности прямых межрегиональных (горизонтальных) связей приводит к запустению периферии регионов; централизация превращается в централистическую

поляризацию. Границы регионов легко читаются на космических снимках. Такая сильная целостность делает регион удобным объектом притязаний, который легко контролируется из его центра. *Тотальные районы-регионы — единственная система частей, из которых и состоит советское пространство.* Метафоры: плитка шоколада с дольками, скрепленными изюминами; плиты, подобные геотектоническим; ткань, организующая рисунок на ней. Именно на каркасной ткани регионализованно-централизованного пространства размещены все объекты, они связаны и пригнаны к ней. Так, по административным рубежам идут разрывы дорог и связей, меняется специализация сельского хозяйства и мн. др.

Регион — моноиерархическая система; частные иерархии сопряжены и совмещены. Иерархия городов (центров) одновременно является административной, промышленно-производственной, снабженчески-торговой, культурно-образовательной и пр.; за очень редкими исключениями. (Эта черта, очевидная для советского пространства, резко отличает его от пространств современных «западных» стран).

Жесткость и монополизм системы АТД в пространственной организации усиливается еще и тем, что почти каждый крупный центр поглотил ранги и функции центров подчиненных регионов; центр республики — еще и центр области и даже административного района. Так, Москва была одновременно столицей империи (Варшавский пакт и другие сателлиты), собственно СССР, РСФСР, неформально — центром Центрального экономического района и в сущности всей Европейской части, Московской области. Размер Москвы произведен от функций центральной резиденции.

Центры регионов — узловыe элементы советского пространства. Они концентрируют как деятельность в регионах, особенно согласовательно-комплексирующую, так и взаимодействия между ними, их уровнями, функциональными компонентами. Центр — репрезентатор вышестоящего уровня в регионе и наоборот. Часто центр равен по статусу центрируемому региону и даже выше него. Центры сшивают разные слои пространства, выступая его конфигураторами. Семиотически центры — единственно поликонтекстуальные элементы советского пространства, локусы установления отношений (соответствий) между разными контекстами и интерпретациями, места перевода (в широком смысле) и рефлексии; функциональная важность чего усиливается единственностью сети центров. Центр замещает свой регион в официальном и обыденном сознании (напр., «поехать в область» — поехать в центр области). В силу административной и географической централизации коммуникаций центр оказывается функционально контактной границей региона. Каждому из уровней региональной иерархии отвечают собственные территории с огромными различиями в способе жизни. Соседствующие территории союзного, областного, районного подчинения радикально отличаются. Пространство сегрегировано не только горизонтально, но и вертикально; налицо статусная чересполосица земель.

Совокупность регионов — четко и жестко структурированная система. Во-первых, регионы образуют иерархию и соподчинены; система АТД СССР насчитывала 4 – 6 уровней (рангов) на разных территориях (с учетом центров регионов высших рангов как особых уровней 5 – 8). Между уровнями распределены власть-полномочия, выражающиеся в соответствующих функциональных компонентах (или территориях непосредственно центрального подчинения). Во-вторых, между регионами разных рангов существует отношение коцентрированности — один центр возглавляет два (три) региона, что усиливает централизованность системы. В-третьих, она обладает автомодельными симметриями (подобие «часть — целое») между уровнями, регионами разных уровней — вплоть до государства, центрами разных рангов и т.п. Существовало несколько систем, скреплявших советское пространство во времена СССР. Верхние уровни имели территории в регионах всех уровней. Функциональным ядром системы АТД был регионально-надрегиональный аппарат компартии. Надрегиональный Центр был ключевым функциональным звеном системы АТД, одновременно обеспечивая и подавляя регионы. Пригнанность системы регионов требовала непрерывного насилия, мощной вертикальной коммуникации при блокировке горизонтальной, жесткого разделения по уровням региональной иерархии контроля важнейших ресурсов и вертикальных потоков таких ресурсов. В СССР — регионе высшего ранга — была интегрирующая подсистема. Она почти совпадала с военно-промышленным комплексом (ВПК), реализовывавшим функции интеграции как государства, так и территории.

*Само размещение массивов **природного ландшафта** есть функция статуса места в системе советского пространства, административно-географического положения.* При размещении природных массивов в основном на периферии узловых районов они могут размещаться и рядом с центрами, но тогда имеют совершенно иной статус и функцию (особые и военные территории, заповедники).

В советском ландшафте даже размещение сохранившихся массивов природного ландшафта, «дикой природы» подчинено строгим универсальным закономерностям. Поскольку главное дифференцирующее направление — «центр — периферия», и имеет место централистическая концентрация всей антропогенной деятельности, то сохранившие свой природный облик и статус ландшафты находятся на периферии регионов, в том числе и на периферии государства как суперрегиона. Доля и роль природных ландшафтов (или природных элементов) в культурном ландшафте, их «сохранность», близость к естественному состоянию обратно пропорциональна расстоянию от административного центра и его ранга. Мы скорее обнаружим лесные массивы неподалеку от малого районного центра, чем вблизи большого областного или краевого. *Чем дальше от центра и тем ниже ранг этого центра — тем больше вероятность природной доминанты в культурном ландшафте.*

культурного ландшафта на фоне дифференциации его природной основы. Если принять идеализацию однородной природной территории, то экологические аспекты размещения будут в основном определяться структурами советского пространства.

Экологическая ситуация в целом — если не сводить ее к размещению отдельных пятен застройки и загрязнения — подчинена общей картине советского ландшафта и является ее частным аспектом. Чем более важны территории в государстве, чем выше их статус, чем они центральнее, чем ближе к центру и чем более высокого ранга и чем дальше они от границ регионов — тем сильнее они освоены и тем хуже на них экологическая ситуация. Чем выше комплексный, государственный, административный статус территории — тем сильнее трансформирован природный ландшафт.

Суммируя обе закономерности, мы получаем картину, где наименее трансформированные в антропогенном отношении и наиболее сохранные в природном отношении земли размещены вполне закономерно. *Мы полагаем, что каркас советского пространства определяет основную картину освоенности территории большинства регионов, большей — если не подавляющей — части территории страны и всего бывшего СССР.* Эта общая картина может быть резюмирована следующим образом. Чем более важны территории в советском пространстве, чем выше их статус, чем они центральнее, чем ближе к центру и чем более высокого ранга они размещены и чем дальше они от границ регионов — тем сильнее они освоены и тем хуже на них экологическая ситуация. ***Статусный и экологический рельеф в советском пространстве дополнительные.*** Чем выше комплексный, государственный, административный статус территории — тем сильнее трансформирован её природный ландшафт, тем хуже — при прочих равных — экологическая ситуация. Здесь нет мистических или субъективных причин и факторов, все дело в том, что наше пространство организовано как в высшей степени целостная, тотальная конструкция, универсальная и полифункциональная, и все явления находят в ней свое место.

В эту картину хорошо вписывается даже *относительное обилие неплохо сохранившихся лесных массивов в окрестностях важнейших центров*, особенно Москвы, противоречащее, на первый взгляд, сказанному выше. Но это противоречие разрешимо в рамках самой концепции. Дело в том, что центр в советском пространстве (российское пространство еще несоветское) имеет, как это ни парадоксально, статус выше, чем центрируемый им регион. И сам центр и прямо подконтрольная ему территория является не элементом региона, а элементом более высокого территориального уровня. Так, статус Москвы куда выше (даже формально — федерального города), нежели статус Московской области (что создает парадоксальную ситуацию границы Москвы и Московской области), а реальный статус даже Екатеринбурга выше, чем Свердловской области. Центр оказывается проекцией вышестоящего уровня и как таковой оказывает инвертирующее действие на территориальную структуру, как бы

«выворачивает ее наизнанку»; пригородные лесные массивы — поднятые по иерархической лестнице и втянутые внутрь ареала приграничные массивы. Пригородные лесные массивы закономерны, и известные их причины — царские охоты и выполнение задач стратегической маскировки — это реализация общей закономерности. (Поэтому лесистость Московской области — 47% (и это учитывая почти безлесную аграрную лесостепь к югу от Оки) — самая высокая среди областей собственной центра России). Этому есть и еще одно объяснение. Подавляющая часть советского пространства представляет собой Периферию (см. ниже), которая вообще предназначена не для жизни населения, а исключительно для добычи и производства ресурсов, в силу чего ее экологический статус не имеет никакого значения и просто не поддерживается. Поддерживается же экологический статус территорий типа «центр» и «провинция», что и объясняет наличие на них относительно сохранных природных массивов. Впрочем, это закономерность второго порядка, детализирующая основную, но не противоречащую ей.

Имеют место и иные зоны «повышенной концентрации» природных компонентов культурного ландшафта. Это — военные территории. Значительными массивами хорошо сохранившихся природных ландшафтов располагают не только собственно приграничные территории (нанизанные на оси внешних и внутренних границ), но и особенно земли военных ведомств, чему также есть теоретическое объяснение. Выполнению военными землями фактически экологических функций способствует то, что военные земли и вообще военно-промышленного комплекса (ВПК) — чуть не единственная и, безусловно, самая сильная внерегиональная структура страны. В нашем пространстве самым разным общественным явлениям присуща единая плитчатая структура размещения по регионам, совмещение расселения, производства, транспорта и т.п. в универсальных узловых административных регионах. Ландшафтно-пространственная же структура ВПК малозависима или вообще независима от каркаса административного деления: размещение собственно военных объектов не вписано в региональную структуру пространства современной России, не согласовано с административным делением. Один из важнейших принципов теоретической географии гласит: *разным по своей территориальной форме явлениям (должны быть) присущи и различные функции в культурном ландшафте*. Функции военных земель уже потенциально экологичны в силу их особой пространственной структуры. *Военные в широком смысле территории уже размещены так, как и должны размещаться новые ООПТ*. Эти территории, в общем, полярно противоположны и дополнительны основным промышленно-городским агломерациям; но при этом проникают в них; занимают огромные неосвоенные и слабоосвоенные территории на периферии административных регионов и стыках комплексных узловых районов; содержат большие компактные участки; располагают средствами контроля своей территории и ее границ. Военные территории, по которым за

редчайшими исключениями не проходят гражданские транспортные магистрали (неизбежно «обрастающие» застройкой), уже тем самым *служат экологическими барьерами и буферами*. Изложенные результаты касательно ландшафтно-экологической роли военных территорий и вообще экологических аспектов российского милитаризма получены и опубликованы совместно с Б. Б. Родоманом.

Советское пространство как универсальная конструкция имеет значимые **экологические аспекты**. *В нее уже встроены территории, которые должны становиться особо охраняемыми природными территориями*. Советско-российское административно-территориальное деление имеет огромный экологический смысл, а его устойчивость — громадную экологическую ценность. *Совместно с Б. Б. Родоманом мы предлагаем осуществить экологическую конверсию всей ландшафтно-пространственной структуры советского пространства*, включая ВПК, чтобы использовать устоявшиеся специфические особенности нашей страны для решения экологических задач. Особенности советского пространства должны быть учтены и при экологическом зонировании территории и создании сети особо охраняемых природных территорий, при разработке экологического (природно-экологического) каркаса и/или эконета.

Универсальность конструкции «советское пространство» не означает, что природная конкретика территорий не накладывает своего отпечатка на ее реализацию.

Полярное размещение городов-центров и малоиспользуемых природных ландшафтов, в целом присущее всему советскому пространству, существенно трансформируется в разных местах. Даже в таком особом случае, как заповедник (целесообразно рассматривать как особый регион), его центр сам оказывает трансформирующее воздействие на природные ландшафты, убывающее от этого центра.